ДЛЯ САМОЙ ЛУЧШЕЙ ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ!

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 32-й
№ 54 (4179)

Суббота, 7 мая 1960 г.

ЦЕНА 40 КОП.

Никита Сергеевич Хрущев выступает на Пятой сессии Верховного Совета СССР.

ПЯТАЯ СЕССИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

...Еще, кажется, не умолкли песни Первомайского праздника, еще звучат в ушах медь оркестров, переливы баянов на улицах, проспектах городов и сел, мы еще не можем расстаться с впечатлениями от чудесного парада, от яркой мощи демонстрации на Красной площади, а новое, сильное, радостное уже властно вошло в жизнь, стало самым волнующим событием, о котором будут много и, конечно, по-разному говорить люди всей планеты. Это новое разнеслось по земному шару из Большого Кремлевского дворца, где 5 мая открылась Пятая сессия Верховного Совета СССР. На повестке дня три вопроса:

об отмене налогов с рабочих и служащих;

о мероприятиях по завершению перевода в 1960 году всех рабочих и служащих на сокращенный рабочий день;

об утверждении Указов Президиума Верховного Совета СССР.

Когда председательствующий предоставил слово для доклада Председателю Совета Министров СССР, Первому секретарю ЦК КПСС Никите Сергеевичу Хрущеву, депутаты и гости бурными и продолжительными аплодисментами встретили его. Великой гордостью за могучую Советскую Родину, за Коммунистическую партию наполнились сердца депутатов и гостей, слушавших яркий, убедительный, обстоятельный доклад главы Советского правительства. То и дело речь Никиты Сергеевича прерывалась бурными аплодисментами.

Доклад товарища Н. С. Хрущева передавался всеми радиостанциями Советского Союза и транслировался по телевидению. 5 мая на вечернем заседании выступили депутаты Н. Т. Кальченко, А. И. Струев, Ж. А. Ташенев, Т. Я. Киселев, И. В. Спиридонов, П. И. Быков.

6 мая в прениях по докладу товарища Н. С. Хрущева выступили З. Т. Сердюк, А. А. Гречко, Т. Ульджабаев, В. И. Иванова, Г. Д. Джавахишвили, Г. Хайдарова, В. А. Амбарцумян, Н. Байрамов, В. И. Довгопол, Л. Н. Ефремов, И. С. Грушецкий, В. Ю. Ахундов, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко.

Депутат П. Н. Демичев вносит предложение принять постановление Верховного Совета СССР, одобряющее деятельность Совета Министров СССР как в области внешней, так и в области внутренней политики.

Это предложение встречается горячими аплодисментами. Сессия принимает решение заслушать заключительное слово и принять решение по первому вопросу повестки дня после рассмотрения второго вопроса.

На вечернем заседании началось обсуждение второго вопроса повестки дня — о мероприятиях по завершению перевода в 1960 году всех рабочих и служащих на сокращенный рабочий день. С докладами по этому вопросу выступили председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы депутат А. П. Волков и председатель ВЦСПС депутат В. В. Гришин. Затем начались прения, которые открыл депутат М. А. Абдуразаков.

Обсуждение докладов А. П. Волкова и В. В. Гришина возобновится на следующем заседании Совета Союза и Совета Национальностей утром 7 мая.

Доклад товарища Н. С. ХРУЩЕВА

НА СЕССИИ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Председатель Совета Министров СССР, Первый секретарь ЦК КПСС депутат Н. С. Хрущев, выступая на сессии Верховного Совета СССР с докладом о отмене налогов с рабочих и служащих и других мероприятиях, направленных на повышение благосостояния советского народа, сказал:

Советские люди гордятся тем, что дело нашего великого вождя и учителя живет и побеждает, что мечты Ленина воплощают в жизнь сотни миллионов людей — строителей социализма и коммунизма, что дело Ленина придает к себе всех честных людей на земле. Мы были единственной социалистической страной, как остров среди океана, на который в ярости налетали капиталистические штормы, сказал товарищ Хрущев. Нам навязывали войны, нас блокировали экономически, держали под огнем идеологических атак. Но, несмотря на это, советские люди разбили интервентов, разбили контрреволюцию, разгромили гитлеровцев, залечили раны, нанесенные войнами, и не только залечили, но и достигли такого уровня в развитии хозяйства, который уже сейчас поражает весь мир и открывает перед советским народом еще более грандиозные перспективы.

Этот гигантский труд народа, эти исторические завоевания в коммунистическом строительстве и есть величественный памятник Владимиру Ильичу Ленину.

Совет Министров СССР, продолжал Н. С. Хрущев, вносит на рассмотрение Верховного Совета проект Закона об отмене налогов с рабочих и служащих и других мероприятиях, направленных на повышение благосостояния советского народа. Второй вопрос о мероприятиях по завершению перевода в 1960 году всех рабочих и служащих на сокращенный рабочий день.

Как видите, повестка дня вполне соответствует весеннему подъему и радости, она отражает заботу нашей партии и правительства о непрерывном росте благосостояния советского народа, еще раз убедительно подтверждает миролюбивый характер политики Советского социалистического государства.

На XXI съезде партии отмечалось, что по мере выполнения семилетнего плана размеры накоплений социалистических предприятий будут неуклонно расти и в конечном счете станут единственным источником обеспечения расширенного социалистического воспроизводства и дальнейшего роста жизненного уровня народа. В этих условиях взимание налогов с населения не вызывается необходимостью. Полная отмена налогов с заработной платы рабочих и служащих и другие мероприятия, направленные на повышение благосостояния советского народа, будут государственным актом огромного политического и экономического значения. Этот акт явится новым ярким выражением неоспоримых преимуществ социалистического общественного строя. Он подготовлен мощным подъемом производительных сил нашей Родины, идущей к коммунизму.

Величайшее завоевание социализма состоит в том, что он ликвидировал капиталистические производственные отношения и открыл полный простор развитию производительных сил общества. Теперь наша страна является одной из самых экономически сильных держав мира, светочем прогресса человечества, надежным союзником и другом народов, борющихся за свою свободу и независимость, оплотом мира и братства народов.

Останавливаясь на итогах минувшего 1959 года, Н. С. Хрущев сказал, что это был год выдающихся достижений в развитии производительных сил, в создании материально-технической базы коммунизма. Мы никогда за один год не делали так много, как в 1959 году — первом году семилетки.

Предварительные итоги работы за первые четыре месяца показывают, что план второго года семилетки успешно выполняется. Задание по выпуску промышленной продукции в первом квартале выполнено на 104 процента. Перевыполнен план государственных закупок скота и молока в целом по СССР.

В соответствии с решениями декабрьского Пленума ЦК КПСС в стране развернулась большая работа по дальнейшему крутому подъему сельскохозяйственного производства. Многие республики и области приняли дополнительные обязательства по увеличению производства сельскохозяйственной продукции и энергично борются за их выполнение.

Наш народ, говорит товарищ Хрущев, решает великую задачу — догнать в превзойти наиболее развитые капиталистические страны в экономическом отношении. Реальность этой задачи теперь не могут отрицать даже люди, известные своей ненавистью к социализму.

Мы твердо знаем, что самую развитую в экономическом отношении капиталистическую страну — Соединенные Штаты Америки мы непременно догоним и оставим позади, тем быстрее, чем активнее будем отдавать наши знания, силы, талант делу досрочного выполнения семилетнего плана, чем настойчивее будем преодолевать наши недостатки, чем активнее будем выметать из нашего советского дома все косное и отжившее.

Глава Советского правительства подчеркнул, что на основе решений XX и XXI съездов Коммунистическая партия неуклонно осуществляет программу подъема благосостояния и культуры советского народа. Реальные возможности для этого обеспечиваются высокими темпами роста национального дохода в СССР, которые позволяют народу с непрерывным расширением общественного производства все в больших размерах повышать уровень жизни трудящихся Советской страны.

Вот данные о росте национального дохода Советского Союза. В 1959 году он увеличился по сравнению с 1953 годом в 1,8 раза, а по сравнению с 1913 годом почти в 25 раз. В расчете на душу населения национальный доход увеличился в 1959 году по сравнению с 1953 годом в 1,6 раза и по сравнению с 1913 годом в 16 раз. А, как известно, в социалистическом обществе весь национальный доход является народным доходом, а все национальное богатство — народным богатством. Это одно из важнейших преимуществ социализма перед капитализмом.

В капиталистических странах больше половины национального дохода присваивается классом капиталистов, а на долю трудящихся остается меньше половины национального дохода. В силу частного присвоения национальное богатство в капиталистических странах является богатством не народа, а буржуазии. В Советском Союзе около трех четвертей национального дохода идет на удовлетворение личных материальных и культурных потребностей населения, а остальная часть направляется на расширение социалистического производства и на другие общественные потребности.

За период с 1953 по 1959 год реальные доходы рабочих и служащих в СССР увеличились на 45 процентов, а реальные доходы крестьян на 64 процента.

Советские люди умело, разумно используют свои растущие доходы. Они стали лучше питаться, одеваться.

По состоянию на 1 апреля 1960 года около 16 миллионов человек уже имели сокращенный семи- и шестичасовой рабочий день. Как известно, в 1960 году будет полностью завершен перевод всех рабочих и служащих на семи- и шестичасовой рабочий день.

В соответствии с директивами XXI съезда партии к концу 1962 года намечается перевести рабочих и служащих на 40-часовую рабочую неделю, а с 1964 года приступить к постепенному переводу рабочих и служащих на шести- и пятичасовой рабочий день. Это будет самый короткий рабочий день в мире, выдающееся социальное завоевание трудящихся.

Планомерный перевод рабочих и служащих на сокращенный рабочий день осуществляется без уменьшения заработной платы, а в большинстве отраслей промышленности, где одновременно с этим проводятся мероприятия по упорядочению заработной платы, она значительно повышается, особенно у низкооплачиваемых работников.

Большую заботу проявляют Коммунистическая партия и Советское правительство об улучшении жилищных условий трудящихся. За последние три года построены жилые дома общей площадью 204 миллиона квадратных метров, то есть на 16 миллионов квадратных метров больше, чем было предусмотрено планом.

Все это убедительно говорит о том, что Коммунистическая партия и Советское правительство многое сделали и делают для улучшения жизни народа, видя в этом главную цель всей своей деятельности.

По заданию Центрального Комитета партии и Советского правительства, сказал далее товарищ Хрущев, наши плановые органы разрабатывают перспективный план экономического и культурного развития страны на ближайшие 20 лет, открывающий перспективы невиданно быстрого продвижения страны по пути к коммунизму.

У нас есть все условия к тому, чтобы в ближайшее время советский народ стал жить еще лучше, еще богаче и радостней.

Среди мероприятий, направленных на дальнейшее последовательное повышение благосостояния советских людей важное место занимает отмена взимания налогов с населения. Это крупное мероприятие, имеющее большое экономическое и политическое значение.

Освобождение от налогов — давняя мечта трудящихся. Но может ли она осуществиться в условиях капитализма? Конечно, нет. Одна из характерных черт капитализма на всех этапах его развития — безудержный рост налогов с населения. Особенно возросли налоги в эпоху империализма в связи с колоссальным ростом военных расходов и разбуханием государственного аппарата. В бюджете Соединенных Штатов Америки налоговые поступления за последние 20 лет возросли в восемь раз, в бюджете Англии — в 5,5 раза.

Огромные средства, полученные в виде налогов, используются капиталистическими государствами в первую очередь на военные цели. В текущем бюджетном году расходы федерального бюджета Соединенных Штатов Америки на военные цели составляют 50,3 процента, а вместе с расходами по государственным займам, которые в основном связаны с гонкой вооружений, — свыше 70 процентов всего бюджета.

Государственный бюджет СССР является бюджетом мирного хозяйственного и культурного строительства. Его подавляющая часть, почти четыре пятых всех расходов, используется для развития народного хозяйства, на повышение материального и культурного уровня жизни народа. Последовательно осуществляя мирную политику, Советский Союз систематически сокращает численность вооруженных сил. Вот почему у нас расходы на оборону страны из года в год снижаются. В бюджете на 1960 год они составляют 12,9 процента против 19,9 процента в 1955 году. Новое значительное сокращение вооруженных сил, которое проводится в соответствии с законом, принятым Верховным Советом СССР в январе 1960 года, позволит дополнительно уменьшить расходы на оборону страны.

В современных условиях, благодаря достигнутым успехам в развитии экономики, укреплению финансов и денежного обращения, Советский Союз располагает необходимыми ресурсами для того, чтобы уже в нынешнем году приступить к отмене налогов с заработной платы рабочих и служащих.

Н. С. Хрущев отметил, что после победы Великой Октябрьской социалистической революции роль налогов принципиально изменилась. Из орудия дополнительной эксплуатации трудящихся, каким являются налоги в капиталистическом обществе, они впервые в истории были поставлены на службу социалистического строительства, использованы в интересах самого народа.

По мере роста народного хозяйства и увеличения доходов от социалистических предприятий удельный вес налогов с населения в доходах бюджета систематически снижался.

Одновременно со снижением налогов с населения, начиная с 1958 года, прекращен выпуск государственных займов, размещаемых по подписке среди населения. Поступления по займам в бюджет составляли, как известно, в послевоенный период в среднем около 25 миллиардов рублей в год. В тот же период были отменены обязательные поставки сельскохозяйственных продуктов с хозяйств колхозников, рабочих и служащих. Все это значительно увеличило доходы населения и способствовало дальнейшему повышению жизненного уровня рабочих, крестьян и интеллигенции. Только за последние два года вклады населения в сберегательных кассах возросли на 20 миллиардов рублей и в настоящее время превышают 105 миллиардов рублей, а число вкладчиков составляет свыше 50 миллионов.

Совет Министров СССР, всесторонне взвесив все наши возможности, говорит Н. С. Хрущев, разработал предложения о постепенной отмене налогов с заработной платы рабочих и служащих и вносит проект Закона по этому вопросу на обсуждение Верховного Совета СССР.

Проект предусматривает осуществить отмену налогов с заработной платы по этапам, начать ее уже в этом году и закончить в 1965 году. Причем имеется в виду начать отмену налогов в первую очередь с рабочих и служащих с относительно меньшими заработками, а затем постепенно прекратить взимание налогов со всех рабочих и служащих.

Доходы рабочих и служащих в результате полной отмены налогов возрастут к 1966 году примерно на 74 миллиарда рублей в год. Это явится важной дополнительной мерой, направленной на дальнейшее повышение благосостояния народа.

В предложениях, которые вносятся на рассмотрение Верховного Совета, предусматривается отмена налогов с населения не по принципу уравниловки, а дифференцированно, исходя из того, чтобы заработная плата возросла прежде всего у низкооплачиваемых рабочих и служащих. Таким образом, будет уменьшен разрыв в заработной плате между рабочими и служащими, имеющими низкие и высокие ставки. Мы должны неуклонно соблюдать ленинское указание о материальной заинтересованности в результатах труда работников социалистического общества. Однако после второй мировой войны образовался слишком сильный разрыв в оплате труда различных категорий работников, и этот разрыв нужно сокращать.

Думаю, заявил товарищ Хрущев, что такая линия Центрального Комитета партии и Советского правительства является правильной и находит одобрение как в партии, так и со стороны всех трудящихся. Нам надо постоянно разъяснять проводимые в этом направлении мероприятия, чтобы они были более понятны всем людям.

Касаясь затем сельскохозяйственного налога, Н. С. Хрущев сказал, что этот налог временно следует сохранить, поскольку он играет известную роль в укреплении трудовой дисциплины в колхозах и в регулировании доходов колхозников от личного подсобного хозяйства.

Со временем, по мере увеличения общественного производства, роста хозяйства колхозов, будут созданы условия, при которых роль приусадебных участков будет отпадать, они, видимо, потеряют свое значение для колхозников, и, следовательно, созреют условия для отмены и сельскохозяйственного налога с личного подсобного хозяйства.

Н. С. Хрущев сказал, что накопления социалистического хозяйства с отменой налогов с населения становятся единственным источником доходов нашего государства. Делом первостепенной важности является развертывание подлинно всенародной борьбы за дальнейшее увеличение производства продукции, повышение производительности труда, снижение себестоимости, неуклонное повышение рентабельности производства, более полное использование имеющихся в народном хозяйстве резервов.

Семилетним планом предусмотрены большой рост производства и снижение себестоимости промышленной продукции. Экономия только от снижения себестоимости за семилетие составит около 650 миллиардов рублей. Важнейшим источником снижения себестоимости и увеличения накоплений является повышение производительности труда. В 1960 году за счет роста производительности труда должно быть получено три четверти всего годового прироста промышленной продукции.

Необходимо, чтобы вопросы повышения производительности труда и снижения себестоимости продукции были в центре внимания руководителей предприятий, партийных, советских, профсоюзных и комсомольских организаций.

В условиях социализма бороться за лучшую жизнь — это значит, прежде всего, бороться за повышение производительности труда. Только труд создает материальные и духовные блага, преображает и украшает землю. Только труд ведет к полному и окончательному торжеству нового общественного строя.

Одновременно с рассмотрением вопроса об отмене налогов с населения, продолжал Н. С. Хрущев, предлагается обсудить и решить на сессии Верховного Совета еще один крупный вопрос нашей финансовой политики: я имею в виду вопрос о целесообразности укрупнения советской денежной единицы путем изменения существующего масштаба цен.

Советский Союз располагает крепкой валютой и устойчивой денежной системой, успешно обеспечивающей планомерную организацию денежного оборота в стране и способствующей на этой основе эффективному использованию материальных и трудовых ресурсов.

Полноценный советский рубль явился необходимым условием для осуществления политики партии и правительства, направленной на неуклонное повышение благосостояния народа на основе быстрого роста социалистической экономики. Если до Великой Отечественной войны объем валовой продукции, товарооборота, фонд заработной платы выражался в миллиардах и десятках миллиардов рублей, то теперь эти показатели определяются в сотнях миллиардов и триллионах рублей. Валовая продукция промышленности уже приближается к полутора триллионам рублей и к концу семилетки превысит два триллиона рублей. Розничный товарооборот в 1965 году составит более одного триллиона рублей. Государственный бюджет СССР в ближайшие годы также достигнет триллиона рублей.

В этих условиях стало необходимым укрупнить нашу денежную единицу, увеличить золотое содержание рубля и пересмотреть масштаб цен.

Совет Министров СССР рассмотрел этот вопрос и принял решение повысить с начала 1961 года масштаб нашей денежной единицы в 10 раз и в связи с этим выпустить в обращение новые деньги. Это мероприятие не вызовет никаких потерь ни со стороны населения, ни со стороны государства. Укрупнение денежной единицы означает снижение в 10 раз против нынешнего уровня всех оптовых закупочных и розничных цен, а также платы за все услуги, предоставляемые населению: платы за квартиру и коммунальные услуги, за проезд на всех видах транспорта, за услуги связи, за посещение театров, кино и т. д.

Одновременно будут пересчитаны по этому соотношению — то есть 10 к 1 — все денежные доходы населения, получаемые им от государства, государственных и кооперативных предприятий, организаций и колхозов в виде заработной платы, заработков колхозников, пенсий, пособий, стипендий и т. д.

В целях создания удобств населению для обмена будет установлен достаточный срок — три месяца. В течение этого времени все граждане СССР смогут спокойно обменять свои деньги. В этот период в обращении будут находиться новые и старые деньги; при этом старые деньги

(Окончание на 2-й стр.)

Это какой признак? По-моему, хороший! — говорит Никита Сергеевич.

Фото М. Трахмана

Окончание доклада товарища Н. С. ХРУЩЕВА

будут принимаясь в платежи за товары и услуги по соотношению 10 рублей в старых деньгах за один рубль в новых. Это позволит всему населению полностью обменять, без всяких ограничений, все имеющиеся у него денежные билеты и разменную монету в сроки, удобные для всего населения страны. По такому же соотношению должны быть пересчитаны все сбережения населения.

Изменение курса рубля к иностранным валютам, которое будет проведено одновременно с указанными выше мероприятиями, не повлечет за собой потерь как для иностранных государств, так и для Советского Союза.

Намечаемые мероприятия будут содействовать и дальнейшему совершенствованию советской денежной системы, укреплению хозяйственного расчета, еще большему внедрению бережливости во всей хозяйственной деятельности, повышению покупательной способности советского рубля и вместе с другими мероприятиями будут содействовать успешному развитию социалистической экономики нашей страны, подъему благосостояния народа.

В своем докладе Н. С. Хрущев подробно осветил вопросы расширения производства товаров народного потребления. Он напомнил, что в семилетнем плане предусмотрено большое развитие легкой и пищевой промышленности. В 1960 году по плану будет выработано 7.9 млрд. погонных метров тканей (6.3 млрд. квадратных метров). Это больше, чем вырабатывается во Франции, Англии и ФРГ, вместе взятых. Шерстяных и льняных тканей у нас выпускается значительно больше, чем в любой капиталистической стране. По потреблению тканей в расчете на душу населения наша страна в настоящее время обогнала Италию, догнала Францию, а в ближайшие три-четыре года мы догоним ФРГ и Англию.

Успешно развивается пищевая промышленность. В прошлом году в нашей стране было произведено 6 миллионов тонн сахара. Это больше, чем производится в Англии, Франции, ФРГ, Италии, Австрии, Бельгии, Дании и Голландии, вместе взятых.

Полностью обеспечиваются потребности населения нашей страны в хлебе, значительно улучшилось обеспечение овощами — этот вопрос уже не является для нас лимитирующим. В ходе дальнейшего развития нашего хозяйства необходимо всемерно расширять и улучшать ассортимент и качество производства и обработки овощей, а также фруктов.

По душевому производству животного масла Советский Союз уже в 1959 году превзошел Соединенные Штаты Америки. По производству молока и молочных продуктов мы догоним их в будущем году. По мясу нам предстоит взять самый высокий барьер, потому что мы намного отстаем в производстве мясных продуктов на душу населения от Соединенных Штатов Америки.

В течение семилетия мы решим задачу полного удовлетворения потребности населения в продовольствии и обеспечим население в достатке одеждой и обувью. К концу семилетки Советский Союз по многим важнейшим товарам народного потребления обгонит по душевому потреблению наиболее развитые капиталистические страны Западной Европы. Мы ставим задачу после выполнения семилетнего плана в течение пяти лет догнать, а затем и превзойти Соединенные Штаты Америки по уровню потребления на душу населения товаров народного потребления, в том числе тканей и обуви.

Это — задача огромной политической и государственной важности. Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР поручили Госплану подготовить конкретные мероприятия по дальнейшему расширению производства и увеличению выпуска тканей, обуви и других товаров с тем, чтобы в более короткие сроки превзойти уровень потребления этих товаров в Соединенных Штатах Америки.

Осуществление программы быстрого развития производства товаров широкого потребления будет решающим шагом на пути к изобилию в нашей стране.

Далее Н. С. Хрущев сказал:

— Все проведенные нами мероприятия и намечаемые новые планы, о которых я вам докладываю, выгодно отличают наш социальный строй, нашу советскую систему от строя капиталистического. На деле, на фактах самой жизни, своим трудом, своими успехами, самой практикой мы опровергаем ложь буржуазных политиков и философов, что капитализм обеспечивает самый высокий уровень жизни народа.

Советский народ всегда рассматривал себя как передовой отряд международного рабочего класса, трудового народа в борьбе за построение коммунизма. Жизнь нашей страны показывает, что Советский Союз успешно выполняет эту почетную, но очень ответственную роль.

Не войной мы будем распространять идеи коммунизма. Нет! Наша практика, конкретные успехи коммунизма, идеи коммунизма, претворяемые в жизнь, будут как бы вонзиваться в сознание людей, будить их мысль и показывать, что единственный путь для полного освобождения человека и удовлетворения всех материальных и духовных потребностей людей — это путь коммунизма, путь борьбы против господства капитализма, путь победы рабочего класса, путь победы и освобождения трудового народа от вопиющих несправедливостей эксплуататорского строя.

Некоторые товарищи, сказал далее Н. С. Хрущев, могут поставить такой вопрос: а не торопимся ли мы с отменой налогов и увеличением капиталовложений на средства потребления? Не будет ли это ослаблять развития промышленности средств производства, то есть главного потенциала нашего хозяйства, как для будущего развития экономики, так и главным образом для создания средств обороны нашей страны?

Мы все это продумали и учитывали все стороны, когда разрабатывали предложения, которые представлены на рассмотрение Верховного Совета, и пришли к убеждению, что сейчас мы имеем все возможности, не ослабляя развития тяжелой промышленности, принять решение об отмене налогов с населения и увеличении капиталовложений на производство средств потребления. При этом мы ни на минуту не можем и не должны ослаблять заботы о развитии тяжелой индустрии, которая всегда должна быть в центре внимания каждого трудящегося Советской страны и каждого трудящегося всех социалистических стран с тем, чтобы не сбиться с ленинского пути, не поддаться капиталистическому нажиму. А капиталистический нажим мы ощущали с первых дней Советской власти.

Н. С. Хрущев говорит, что сессия собралась в знаменательные дни, когда отмечается пятнадцатая годовщина победы над гитлеровской Германией и окончания второй мировой войны в Европе.

Наш народ не забыл и никогда не забудет, какой ценой была завоевана победа. Не забыли об этом и народы Соединенных Штатов, Англии, Франции, Польши, Чехословакии, Албании, Югославии, Греции, Норвегии и других государств, сражавшиеся в рядах антигитлеровской коалиции. Память о недавнем прошлом обязывает и нас, и наших бывших союзников по антигитлеровской коалиции беречь и укреплять мир, достигнутый в результате победы, окончательно подвести черту под минувшей войной и сделать так, чтобы новой войны не было совсем, чтобы ее не могли разжечь никакие новоиспеченные подражатели Гитлера.

16 мая в Париже, продолжает Н. С. Хрущев, состоится встреча руководителей четырех держав — Советского Союза, Соединенных Штатов Америки, Великобритании и Франции. Участникам этой встречи предстоит рассмотреть важнейшие международные вопросы, решение которых желательно и более того необходимо для того, чтобы заложить прочные основы мира и обеспечить мирное сосуществование государств с различным социальным строем. Успешное рассмотрение этих вопросов на предстоящем совещании в верхах привело бы к улучшению отношений между странами, вселило бы в народы уверенность что силы мира берут верх над силами войны и, следовательно, были бы расчищены пути для развития политики, направленной на укрепление мира и дружбы между народами.

Н. Хрущев указал затем на вопросы, которые требуют решения: всеобщее и полное разоружение, заключение мирного договора с Германией и решение на этой основе вопроса о Западном Берлине.

На совещании в верхах предстоит обсудить и другие вопросы взаимоотношений между социалистическими и капиталистическими странами, или, как их еще называют, вопросы отношений между Востоком и Западом.

Но решение вопросов разоружения, упрочения мира в Европе, международной разрядки, по-видимому, не всех устраивает. Есть еще такие силы на Западе, и они довольно активны, которые никак не могут понять, насколько необходимым стало теперь мирное сосуществование социалистических и капиталистических государств и насколько безумными были бы любые попытки продолжать в нынешних условиях политику балансирования «на грани войны».

Совершенно очевидно одно: в Бонне не смирились с поражением в минувшей войне; там вновь вынашиваются злодейские планы развязывания новой войны; там все еще мечтают о реванше, о том, чтобы ликвидировать те изменения, которые произошли в мире в результате разгрома гитлеровской Германии.

Народы требуют, чтобы руководящие деятели всех стран сделали правильные выводы из роковых ошибок прошлого и не допустили, чтобы германские милитаристы вновь смогли навязать человечеству войну.

Мы призывали и призываем правительства западных держав проникнуться пониманием необходимости мирного сосуществования государств независимо от социального строя и будем добиваться смягчения международной напряженности. О необходимости смягчения международной напряженности неоднократно заявляли и президент США Эйзенхауэр, и президент Франции де Голль, и премьер-министр Великобритании Макмиллан.

Как же можно оценивать в целом положение, которое складывается сейчас, накануне совещания в верхах? Я уполномочен Советским правительством заявить депутатам Верховного Совета, что последние шаги наших партнеров по предстоящим переговорам, их выступления с изложением своих позиций, их некоторые действия, к сожалению, дают пока мало основания для надежды, что правительства стран, с главами которых мы должны встретиться, действительно ищут конкретных решений.

Складывается, в частности, впечатление, что определенные руководящие круги Соединенных Штатов Америки сейчас еще не пришли к выводу о необходимости смягчения напряженности и решения спорных вопросов путем переговоров. Последнее время в Америке активизировались в Соединенных Штатах Америки влиятельные внутренние силы — империалистические круги, милитаристы, оплотом которых является Пентагон. Эти агрессивные силы стоят на позициях продолжения «холодной войны», гонки вооружения и идут даже на прямые провокации.

По поручению Советского правительства Н. С. Хрущев сообщил Верховному Совету об агрессивных действиях, имевших место за последние недели со стороны Соединенных Штатов Америки против Советского Союза. Эти агрессивные действия выразились в том, что Соединенные Штаты Америки посылали свои самолеты, которые пересекали наши государственные границы и вторгались в пределы Советского Союза. Американский самолет, вторгшийся на нашу территорию 1 мая, был сбит.

Если подобные агрессивные акты против нашей страны будут продолжаться, сказал Н. С. Хрущев, мы оставляем за собой право ответить на них мерами, которые мы найдем нужными применить, чтобы обезопасить нашу страну. Дошло, что сделали государства

Сергo МИКОЯН

Встреча с Хемингуэем

В февале 1960 года первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Анастас Иванович Микоян посетил Республику Кубу, куда он прибыл по приглашению кубинского правительства на открытие Выставки достижений Советского Союза в области науки, техники и культуры.

В поездке на Кубу А. И. Микояна сопровождал его сын, журналист С. Микоян, путевые очерки которого полностью печатаются в 5-м номере журнала «Москва».

«Литературная газета» публикует отрывок из очерков С. Микояна, где описывается посещение А. И. Микояном писателя Эрнеста Хемингуэя, живущего в двенадцати километрах от Гаваны в поселке Сан-Франциско де Паула, и отрывок из романа Хемингуэя «За рекой, в тени деревьев».

Роман «За рекой, в тени деревьев» в переводе Е. Голышевой и Б. Изакова полностью публикуется в журнале «Москва», начиная с 7-го номера.

Я ДУМАЮ, что достаточно характерно, как Эрнест Хемингуэй определил новый режим в стране. Он сказал по-хемингуэевски кратко, но выразительно: «Это первое честное правительство в истории Кубы, первое правительство, которое видит свою цель в служении народу».

На глазах Хемингуэя сменилось несколько правительств Кубы.

— Все прежние правители, — говорит он, — не успев прийти к власти, начинали использовать ее для обогащения — собственного и своего окружения, — притом какие ничтожества! Наполеон и его маршалы добивались высокого положения тем, что выигрывали большие сражения, проявляли свои таланты и способности. А тут какой-то сержант берет в руки власть, не одержав никаких побед и не имея никаких талантов, кроме знания стенографии.

Писатель имел в виду Батисту, который начал свою карьеру штабным писарем.

Мы посетили Хемингуэя в его доме в пригороде Гаваны, где он проводит большую часть времени уже около двадцати лет. Можно было ожидать, что живой классик будет выглядеть торжественным и серьезным. Однако он оказался на редкость непосредственным, живым и веселым человеком, который несколько иронически относится к тому, что его считают великим писателем, и уж не ведет себя во всяком случае не как великий. Возможно, это и есть особенность подлинного величия?

Дом Хемингуэя стоит на холме, окруженном небольшим парком с высокими деревьями. На воротах висит объявление, из которого становится ясным, что Хемингуэй редко урывает время для приема посетителей. Пять—шесть комнат этого уютного дома полны солнечного света, который свободно проникает через большие окна. Во всех комнатах множество различных охотничьих трофеев. Жена писателя, Мэри, пожилая женщина с молодым характером, очень наглядно показывала, как она убила огромного льва в Африке. Шкура этого льва украшает стену одной из комнат.

В гостиной и столовой висит несколько картин. Две или три — работы старых мастеров. Мне особенно понравились два импрессионистских полотна, изображающих корриду — бой быков. Прекрасная гамма красок, матадор и бык — в движении, в отчаянной схватке не на жизнь, а на смерть. К сожалению, я не помню фамилии художника, которого назвала хозяйка. Мэри Хемингуэй страстно любит живопись и больше всего в доме (исключая, пожалуй, только шкуру льва) гордится своими картинами.

— Картинная галерея — это первое, что я смотрю, приехав в какую-либо столицу! Париж или Мадрид, Лондон или Рим.

А. И. Микоян не мог, конечно, этого знать, но словно предвидел, подарив Мэри Хемингуэй альбом с репродукциями картин ленинградского Эрмитажа.

Супруги Хемингуэй очень заинтересовались и другими подарками, например озвученной моделью «спутника». Особенно позабавила их русская народная игрушка кустарного производства — «матрешка» — пять «матрешек» разного размера, одна в другой.

Мы привезли писателю и русскую водку. Но с удивлением увидели, что среди приготовленных для угощения бутылок уже стоит точно такая же.

— Несколько дней назад я узнал, что в Гавану ваш композитор Арам Хачатурян, и пригласил его к себе. Я очень люблю его музыку. И сам он, как и его жена Нина Макарова мне очень понравились. Они пообедали с нами, у нас был очень интересный разговор. Хачатурян-то и оставил мне эту бутылку водки.

И обратясь к представителю Союза советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами Алексееву, который простудился и охрип, Хемингуэй сказал:

— И вы не знаете, как лечить горло? Я вам сейчас покажу!

Хлебнув водки, он чуть не целую минуту полоскал ею горло, выводя сложные рулады.

Писатель показал нам свое рабочее место. К великому удивлению, мы обнаружили, что вместо стола ему служит небольшой пюпитр, стоящий у стены в спальне. Кстати, даже на кровати было разбросано полтора десятка книг. Хемингуэй пишет стоя. «Чтобы не засиживаться», — объяснил он.

Мы поднялись на башню, которую Мэри Хемингуэй замыслила и спроектировала как рабочее место мужа.

— Я думала избавить его от того шума, который я создаю в доме — разговором, посудой или пылесосом. И что бы вы думали? Он здесь никогда не работает. Мы поднимаемся на башню только для того, чтобы полюбоваться видом на Гавану. Вот посмотрите: в той стороне даже видно море.

Хемингуэй показал нам свою библиотеку. Книжные стеллажи расположены у него в разных комнатах, в том числе и в знаменитой башне. Значительную часть книг составляют его собственные произведения, переведенные на многие языки и изданные в разных странах. К нашему удивлению, из русских изданий у него была только повесть «Старик и море», присланная ему с теплохода «Ангара» советским писателем Н. Н. Михайловым. Н. Н. Михайлов оказался более внимательным, чем те наши издательства, которые в последнее время большими тиражами издают книги Хемингуэя. Например, незадолго до нашего отъезда из Москвы вышел двухтомник, который мы имели удовольствие подарить автору. А по возвращении в Москву отправили ему около двух десятков его книг, вышедших на различных языках народов СССР, и даже повесть «Старик и море», изданную для слепых.

Жизнерадостный и при этом немного застенчивый человек, Хемингуэй не любит официальной обстановки, церемоний, чествований и т. д. Когда не делает того, что помешало бы ему ежедневно в 6.00 утра «встать» за работу — до 12 дня.

А. И. Микоян спросил Хемингуэя, не предполагает ли он посетить Советский Союз, где он так популярен. Писатель ответил:

— Мне уже шестьдесят лет, и я не могу себе позволить откладывать осуществление своих планов. Сейчас я пишу новый роман. Рассуждаю, что он будет не хуже «Фиесты». Пока его не закончу, вряд ли смогу прервать работу. Но потом я хочу обязательно побывать в вашей стране.

Между прочим, писатель выразил свое недовольство теми американскими журналистами, которые сообщили в прессе, что на вопрос, поедет ли он в СССР, Хемингуэй ответил отрицательно.

— Я, конечно, мог принять только за шутку вопрос — не поеду ли я туда вместе с президентом Эйзенхауэром, и ответил им соответственно шуткой, — сказал он.

Отец представил меня Хемингуэю, сказав, что тот может объясняться со мной без переводчика. Писатель спросил, действительно ли я говорю по-английски.

— Немного, — ответил я.

— Как и все мы, — тут же заметил он, притом это, как мне показалось, было сказано вполне серьезно.

У нас завязался разговор о произведениях писателя и, в частности, о романе «За рекой, в тени деревьев», который еще не переведен на русский язык.

Хемингуэй захотел подарить мне этот роман, английское издание которого должно было стоять на одной из полок, но разобраться в книжных стеллажах оказалось не так-то просто, и он пообещал прислать книгу в Москву...

Встреча с Хемингуэем была очень дружественной и непосредственной, как будто бы знакомство наше было давним. В солнечном, уютном доме все время шел оживленный разговор, звучал веселый смех.

Уже в Москве, через несколько недель после возвращения из Гаваны, я прочел в газете «Уоркер», органе Коммунистической партии США, статью «Хемингуэй и революция», высоко оценивающую творчество писателя.

Хемингуэй, конечно, не революционер. Но он — большой художник, реалист и в то же время романтик. В умении блестяще сочетать волнующую романтику (без которой не бывает революций) с настоящим реализмом (который должен объяснять, почему происходят революции) и заключается, по-видимому, его индивидуальность как писателя. Познакомившись с ним, невольно обнаруживаешь, что литературное «я» этого современного классика вполне отвечает облику самого Хемингуэя — искреннего, душевного, справедливого человека с седой бородой, но с юношеской способностью увлекаться и радоваться жизни, даже если жизнь радует очень немногим. Он с полным правом мог бы сказать о себе: «Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо».

К общественным явлениям он подходит, быть может, с несколько нечеткими, но я бы сказал, безупречными для нереволюционера позиции — с позиций гуманизма, ибо подлинный гуманизм всегда оказывается на стороне революции. «Мы хотим покончить со всеми прежними политическими руководителями, с американским империализмом, который нас душит, с тиранией военщины. Мы хотим начать все сызнова и дать каждому человеку свой шанс в жизни. Мы хотим, чтобы guajiros, то есть крестьяне, перестали быть рабами и чтобы крупные сахарные плантации были поделены между теми, кто работает на них». Это сказал не Фидель Кастро и не какой-либо другой руководитель новой Кубы. Эти слова принадлежат молодому кубинскому революционеру из романа «Иметь и не иметь», написанного четверть века назад.

...Мы расстались с Эрнестом и Мэри Хемингуэй в надежде встретиться вновь — на этот раз в Москве.

Анастас Иванович Микоян в гостях у Эрнеста Хемингуэя. Фото Г. Воробина.

МИНУВШИЙ ГОД БЫЛ «УРОЖАЙНЫМ» ЖИЗНЬЮ ХРАБРЫХ

на военную прозу. Припоминая одно образное выражение Белинского, можно сказать, что для тех читателей, которые любят и ценят военную прозу, прошедший год в литературном отношении «в сорочке родился». Роман Симонова, роман Березко, повести Бондарева и Бакланова, воспоминания ветеранов войны — Маршалов Еременко и Чуйкова, генерала Попеля — таков далеко не полный перечень военных произведений 1959 года, возбудивших живой интерес, а подчас и острую полемику. Недавно к списку военных книг прибавилась еще одна. Я имею в виду «Армейскую юность» Константина Ваншенкина, опубликованную в февральском номере журнала «Новый мир». Сам автор назвал свое повествование «Короткими заметками». Но отрывочность не умаляет их ценности. Давно известно, что иные короткие заметки стоят пространных описаний. А заметки Ваншенкина не просто разрозненные, пожелтевшие листки из старой записной книжки, без разбора вывалившиеся на страницы рукописи. Пользуясь вольной формой заметок, автор не слишком строго придерживался последовательности рассказа. Описывая какого-то события, грустного или смешного, тут перемежаются с воспоминаниями о друзьях-товарищах, с подробностями фронтового быта. А порой, как в живой и непринужденной беседе, это ответ на чей-то вопрос, реплика.

Но у «Коротких заметок» Ваншенкина есть своя постоянная тема, которая с внутренней необходимостью ведет от записи к записи, есть свой сюжет, их пронизывает одно общее чувство. Это рассказ об армейской юности, о поколении семнадцатилетних, чей характер был сформирован армией военной поры.

Теперь, прибавив к семнадцати отроческим годам почти двадцать новых, а с годами и опыт, он глубже судит о том далеком времени, острее видит то, что не всегда дано понять и разглядеть юнцу, пришедшему в армию, когда его кости еще не окрепли и не затвердели мускулы, — видит, как закалялись на войне характеры, как формировались души, какой качественный скачок совершили эти юноши, надев военную шинель. В то же время, как рассказчик, Ваншенкин сумел сохранить и передать свежесть и непосредственность юношеских впечатлений — о первом дне в военном училище, о первых учебных стрельбах, о первом прыжке с парашютом и о многих других событиях, как будто даже и неприметных. А ведь с них начиналась в те годы биография целого поколения.

Собственно военных эпизодов в его заметках совсем немного. Характеры цельные, чистые, мужественные вырисовываются из описания отношений между людьми в обстановке суровых армейских будней, где столько было неожиданного тепла, так высоко было развито чувство товарищеской солидарности, чувство долга. И те юноши, что погибли на фронте раньше, чем успели совершить подвиги, о которых мечтали, к которым готовились, по праву остались в памяти близких и друзей, как павшие смертью храбрых. Они пали смертью храбрых, потому что жили жизнью храбрых.

До сих пор читатели знали Ваншенкина, как поэта по преимуществу. Года два назад он выступил в новом для себя жанре — с литературно-критическими заметками «Перечитывая Твардовского». Я думаю, не ошибусь, если скажу, что своими заметками он зарекомендовал себя как наблюдательный и тонкий ценитель стихов, сумевший облечь свои наблюдения в эмоциональную, афористически-острую форму. Эти качества хорошей прозы сохранились и в новой его вещи, где внимание к подробности соединяется с заботой о краткости и точности выражения.

Обращение к прошлому всегда, конечно, воспоминание. Но это также и напоминание. Юные школьники, которые в августе метро на глазах у автора «Армейской юности» спорили, действительно ли Отечественная война началась в 1941 году, будут знать об этой войне только по книгам и рассказам. Для них это—история. Они не помнят войны. Они родились уже после того, как она кончилась. Но через несколько лет, выбирая свое место в жизни, пусть они идут туда, где будут нужнее всего. Так поступали прежние молодые поколения. К этому призывают и герои «Армейской юности».

Б. ГАЛАНОВ

К. Ваншенкин. «Армейская юность». «Новый мир», № 2, 1960.

Григорий ПОЖЕНЯН

ЗЕМЛЯ

Когда победу праздновало небо,
цветастыми ракетами пыля,
прикрыв могилы шаткой ковылья,
впервые потушившая от хлеба,
еще рубцы на скатах оголя,
уже от солнца щурилась земля.
Черна от пепла и красна от маков,
зеленая от нетерпенья трав,
лугами росными своих сынов оплакав,
она лежала, жизнью смерть поправ,
от северно-сибирских переправ
до самых новых пограничных знаков.
Земля помолодевшая густела,
добрела, нагнетая кровь корней,
и людям, наложившимся на ней,
казалось, что она впервые спины грела,
как будто раньше на десяток дней
до срока размягчать солдатам тело
она, еще тревожная, не смела.
В те дни бойцам, покончившим с войной,
своя земля была вдвойне родной,
Раскинувшая травы для уставших,
земля была дорогою домой,
дорогой не от дома, в домой.
Прнют — живым и вечностью для павших.
Нам память у чужих не занимать.
Не нас учить, как обнимают мать.
Мы надышались вспять госпиталям,
мы настучались вдоволь костылям.
Так как же нам теперь не понимать
земную радость всходов над полями.

Эрнест ХЕМИНГУЭЙ

„Расскажи мне что-нибудь о войне..."

Отрывок из двенадцатой главы.

Действие романа протекает в Венеции. Герой романа — полковник Ричард Кантуэлл умирает в ресторане гостиницы «Гритти» со своей возлюбленной Ренатой, юной венецианской аристократкой, которую он зовет «дочкой». Воспоминания о войне, характеристики отдельных военных деятелей, которые Хемингуэй вкладывает в уста полковника Ричарда Кантуэлла, служат одним из средств создания образа центрального героя книги. Эти характеристики, разумеется, в определенной мере субъективны, навеяны личной судьбой полковника. В годы первой мировой войны метрдотель ресторана «Гритти» служил вместе с лейтенантом Кантуэллом в итальянской армии. Во время второй мировой войны Кантуэлл занимал генеральскую должность в американской армии. Метрдотель наделен саном Gran Maestro или гроссмейстера шуточного ордена, учрежденного Кантуэллом.

КОГДА Gran Maestro отошел, девушка сказала:

— Он прекрасный человек, я рада, что он тебя любит.

— Мы с ним друзья, — сказал полковник. — Надеюсь, у него найдется для тебя хороший бифштекс.

— Есть один отличный бифштекс, — сообщил возвратившийся Gran Maestro.

— Возьми его, дочка. Меня все время кормят бифштексами в офицерской столовой. Хочешь с кровью?

— Да, пожалуйста, с кровью.

— Al sangue[1], — заявил полковник. — Как говорит Джон, объясняясь с официантом по-французски, crudo[2], bleu[3], а проще говоря — с кровью.

— Значит, с кровью, — повторил Gran Maestro. — А вам, полковник?

— Эскалоп в сладком винном соусе и цветную капусту в масле. Если найдется, дайте еще артишок с уксусом. Тебе что к мясу, дочка?

— Картофельное пюре и салат.

— Не забывай, что ты еще растешь.

— Да, но я не хочу расти слишком сильно или не там, где надо.

— Тогда все, — сказал полковник. — Как насчет fiasco[4] valpolicrella?

— Мы не держим вина в fiasco. У нас ведь первоклассная гостиница. Вино мы получаем в бутылках.

— Совсем забыл, — сказал полковник. — А помните, оно стоило тридцать чентезими за литр?

— А помните, как на станциях мы швыряли из эшелонов пустыми бутылками в жандармов?

— А возвращаясь с Гранпы, побросали под гору оставшиеся гранаты?

— И те, кто видел взрывы, решили, что австрийцы прорвали фронт, и как вы перестали бриться, и мы носили fiamme nere[5] на серых тужурках, а внизу — серый свитер?

— И как я напивался до того, что даже вкуса вина не различал? Ну и бедовые же мы были ребята, — сказал полковник.

— Еще какие бедовые, — сказал Gran Maestro. Просто головоресы, а вы были из нас — самый отпетый!

— Да, — сказал полковник. — Это верно, мы были головоресы. Ты уж нас прости, дочка, ладно?

— А у тебя не осталось фотографий тех лет?

— Нет. Мы тогда не снимались, кроме того раза, с господином Д'Аннунцио. К тому же большинство из нас плохо кончили.

— Кроме нас двоих, — сказал Gran Maestro. — Ладно, пойду присмотрю за бифштексом.

Полковник задумался,— теперь он снова был младшим лейтенантом и ехал на грузовике, весь в пыли, на лице его были видны только красные глаза, — веки были красные, воспаленные.

Три ключевые позиции, вспоминал он. Массив Граппы с Ассаломе и Пертикой и высотой справа, названия которой не помню. Вот где я повзрослел, каждую ночь просыпался в холодном поту, — мне все снилось, будто я не смогу заставить своих солдат вылезть из траншей. И эти они вылезли, как потом оказалось. Ну и ремесло!

— В нашей армии, — сказал он девушке, — ни один генерал, в сущности, никогда не воевал. Для них это занятие непривычное, поэтому наверху у нас не любят тех, кто воевал.

— А генералы вообще воюют?

— Ну да, пока они еще капитаны или лейтенанты. Потом это выглядело бы просто глупо. Разве что отступаешь, тогда волей-неволей приходится драться.

— А тебе много пришлось воевать? Я знаю, что много. Но ты расскажи.

— Достаточно, чтобы наши мудрецы причислили меня к породе дураков.

— Расскажи.

— Когда я был мальчишкой, я дрался против Эрвина Роммеля[6] на полпути между Кортиной и Гранпой, которую мы тогда удерживали. Он был еще капитаном, а я исполнял обязанности капитана, хотя и числился всего младшим лейтенантом.

— Ты его знал?

— Нет. Я познакомился с ним только после войны, тогда нам можно было поговорить. Он оказался человеком приятным, мне он понравился. Мы вместе ходили на лыжах.

— А ты много знал немцев, которые тебе нравились?

— Очень много. Больше всех мне нравился Эрнст Удет[7].

— Но ведь они так подло поступали!

— Конечно. А разве мы всегда поступали благородно?

— Я не могу относиться к ним так терпимо, как ты, — ведь это они убили моего отца и сожгли нашу виллу на Бренте; мне они никогда не нравились. Особенно с того дня, как немецкий офицер у меня на глазах стреляя из дробовика по голубям на площади Святого Марка.

— Я тебя понимаю, — сказал полковник. — Но, пожалуйста, дочка, поймы и ты меня. Когда убьешь так много врагов, можно позволить себе быть снисходительнее.

— А сколько ты убил?

— Сто двадцать два верных. Не считая сомнительных.

— И совесть тебя не мучит?

— Никогда.

— И дурные сны не снятся?

— Нет, дурные не снятся. Странные снятся все время. После боя я всегда дерусь во сне. Чаще всего вижу какую-нибудь местность. Ведь для нашего брата главное — какой попадется рельеф. Вот об этом и думаешь во сне.

— А меня ты никогда не видишь во сне?

— Стараюсь. Но не могу!

— Надеюсь, портрет тебе поможет.

— Будем надеяться, — сказал полковник. — Напомни мне, чтобы я вернул тебе камни.

— Ты нарочно хочешь меня огорчить?

— У меня есть свои скромные правила чести, и они мне так же дороги, как нам обоим наша любовь. И одно не может существовать без другого.

— Но ты бы мог мне иногда уступать.

— А я тебе и уступаю, — сказал полковник. — Ведь камни пока у меня в кармане.

К ним подошел Gran Maestro, сопровождая бифштекс, эскалоп и овощи. Их нес парнишка с гладко причесанными волосами, он пламенел на всех и на все, но из кожи лез вон, чтобы стать хорошим младшим официантом. Его уже приняли в члены ордена. Gran Maestro ловко разложил еду, с уважением и к ней самой, и к тем, кто ее будет есть.

— На здоровье, — сказал он. — Открой-ка эту бутылку valpolicella, — обратился он к парнишке, который поглядывал на них глазами недоверчивого спаньеля.

— А за что вы взъелись на этого типа? — спросил полковник, кивая на своего рабого земляка, который шумно жевал: его пожилая супруга ела с жеманством провинциалки.

— Скорее я должен вас об этом спросить. А не вы меня.

— Я его никогда раньше не видел, — сказал полковник. — Но он портит мне аппетит.

— Он смотрит на меня сверху вниз. Упорно не желает говорить со мной по-английски, а итальянскими двух слов связать не может. Отматривает вторую тарелку Бедеккера, ест и пьет, что попало. Женщина симпатичная. Нажется, это его тетка. Но точно не знаю.

— Мы бы вполне могли без него обойтись.

— Я тоже так думаю. Сирена сердце.

— Он о нас расспрашивал?

— Спросил, кто вы такие. Имя графини он слышал. — В путеводителе указаны дворцы, которые принадлежали ее роду. Ваше имя, судьбы, произвело на него впечатление, я для этого вас и назвал.

— Как вы думаете, он нас опишет в какой-нибудь книге?

— Не сомневаюсь. Он описывает все подряд.

— Мы должны попасть в какую-нибудь книгу, — сказал полковник. — Ты, дочка, не возражаешь?

— Конечно, нет. — сказала девушка. — Но лучше бы ее написал Данте.

— Что-то давно его не видно, этого Данте, — сказал полковник.

— Замечательный. А твой эскалоп?

— Очень нежный, и соус совсем не приторный. А гарнир вкусный?

— Цветная капуста даже хрустит, как сельдерей.

— Надо было заказать сельдерей. Но вряд ли у них есть сельдерей, не то Gran Maestro сам бы его принес.

— Правда, нам весело ужинать? Вот если бы мы могли всегда есть вдвоем!

— Я тебе это предлагал.

— Не будем об этом говорить.

— Ладно, — сказал полковник. — Я тоже принял одно решение. Я брошу армию и поселюсь тут, в Венеции; буду жить очень скромно, на пенсию.

— Вот было бы хорошо! А как ты выглядишь в штатском?

— Ты же меня видела.

— Конечно, милый. Я просто пошутила. Ты ведь тоже иногда шутишь не очень деликатно.

— Штатское мне идет. Если только у вас тут есть хороший портной.

— У нас нет, но в Риме найдется. А мы не можем поехать в Рим на машине и заказать тебе костюм?

— Давай. Мы остановимся за городом, в Внтербо, и будем ездить в город только на примерки и ужинать. А ночью будем возвращаться к себе.

— И встречаться с киноэвездами, говорить о них-то, что думаем, а может, и выпивать с ними иногда.

— Да, уж кинозвезд там сколько угодно.

— И мы увидим, как они женятся во второй и третий раз и получают папское благословение?

— Если тебе это интересно.

— Нет, неинтересно,— сказала девушка.— Я ведь только хочу с тобой не могу выйти за тебя замуж.

— Понятно, — сказал полковник.— Спасибо.

— Но я буду любить тебя, чего бы мне это ни стоило, а мы с тобой прекрасно знаем, чего это стоит; я буду любить тебя, пока мы живы и даже после.

— Я не уверен, что можно любить после того, как умрешь, — сказал полковник.

Он принялся сосать артишок, отрывая листок за листком и макая их мясистым концом в соус.

— Я тоже в этом не уверена, — сказала девушка. — Но я постараюсь. Разве тебе не приятно, что тебя любят?

— Да, — сказал полковник. — Я чувствую себя как, скажем, был раньше на голом скалистом пригорке, — кругом камень, ямки не вырошь, нигде ни кустика, ни выступа, и вдруг оказывается, ты укрылся, и ты в танке. Тебя теперь защищает броня, и поблизости нет ни одной противотанковой пушки.

— Расскажи это нашему другу писателю, у которого лицо изрыто, как поверхность луны,— пусть запишет сегодня ночью.

— Я бы рассказал это Данте, будь он тут поблизости, — заметил полковник, который вдруг разбушевался, как бушует море, когда налетит шквал. — Я бы ему объяснил, что это такое — вдруг очутиться в танке, когда ты уже уверен, что тебе крышка.

Она прилежно принялась за свой бифштекс, а потом сказала:

— Как ты думаешь, правда, что после пятидесяти на лице у человека все написано?

— Надеюсь, что нет. У меня бы тогда было другое лицо.

— Ты, — сказала она. — Ты...

— Как бифштекс? — спросил полковник.

— Замечательный. А твой эскалоп?

— Очень нежный, и соус совсем не приторный. А гарнир вкусный?

— Цветная капуста даже хрустит, как сельдерей.

— Надо было заказать сельдерей. Но вряд ли у них есть сельдерей, не то Gran Maestro сам бы его принес.

— Правда, нам весело ужинать? Вот если бы мы могли всегда есть вдвоем!

— Я тебе это предлагал.

— Не будем об этом говорить.

— Ладно, — сказал полковник. — Я тоже принял одно решение. Я брошу армию и поселюсь тут, в Венеции; буду жить очень скромно, на пенсию.

— Вот было бы хорошо! А как ты выглядишь в штатском?

— Ты же меня видела.

— Конечно, милый. Я просто пошутила. Ты ведь тоже иногда шутишь не очень деликатно.

— Штатское мне идет. Если только у вас тут есть хороший портной.

— У нас нет, но в Риме найдется. А мы не можем поехать в Рим на машине и заказать тебе костюм?

— Давай. Мы остановимся за городом, в Внтербо, и будем ездить в город только на примерки и ужинать. А ночью будем возвращаться к себе.

— И встречаться с киноэвездами, говорить о них-то, что думаем, а может, и выпивать с ними иногда.

— Да, уж кинозвезд там сколько угодно.

— И мы увидим, как они женятся во второй и третий раз и получают папское благословение?

— Если тебе это интересно.

— Нет, неинтересно,— сказала девушка.— Я ведь только хочу с тобой не могу выйти за тебя замуж.

— Понятно, — сказал полковник.— Спасибо.

— Но я буду любить тебя, чего бы мне это ни стоило, а мы с тобой прекрасно знаем, чего это стоит; я буду любить тебя, пока мы живы и даже после.

— Я не уверен, что можно любить после того, как умрешь, — сказал полковник.

Он принялся сосать артишок, отрывая листок за листком и макая их мясистым концом в соус.

— Я тоже в этом не уверена, — сказала девушка. — Но я постараюсь. Разве тебе не приятно, что тебя любят?

— Да, — сказал полковник. — Я чувствую себя как, скажем, был раньше на голом скалистом пригорке, — кругом камень, ямки не вырошь, нигде ни кустика, ни выступа, и вдруг оказывается, ты укрылся, и ты в танке. Тебя теперь защищает броня, и поблизости нет ни одной противотанковой пушки.

— Расскажи это нашему другу писателю, у которого лицо изрыто, как поверхность луны,— пусть запишет сегодня ночью.

— Я бы рассказал это Данте, будь он тут поблизости, — заметил полковник, который вдруг разбушевался, как бушует море, когда налетит шквал. — Я бы ему объяснил, что это такое — вдруг очутиться в танке, когда ты уже уверен, что тебе крышка.

Перевод с английского Е. ГОЛЫШЕВОЙ и Б. ИЗАКОВА

---

1 С кровью (итал.).
2 Сырой (итал.).
3 Синий (франц.).
4 Двухлитровая бутыль (итал.).
5 Черные нашивки в виде языков пламени (итал.).
6 Роммель, Эрвин — немецкий фельдмаршал (1891—1944).
7 Удет, Эрнст — немецкий летчик.
8 Велосипедный клуб с филиалами в разных странах.
9 Брэдли, Омар Нельсон, американский генерал (1893).
10 Монтгомери, Бернард Лоу, английский фельдмаршал (1887).
11 Паттон, американский генерал.
12 Форма шотландских войск.

МЫ СОХРАНИМ МИР

Арнольд ЦВЕИГ,
немецкий писатель

На могилах Карла Либкнехта и Розы Люксембург всегда живые цветы. Особенно много цветов было в 1959 году, когда исполнилось 40 лет со дня их гибели. Людям, приходящим к дорогим могилам, бывший штаб гвардейской дивизии в отеле Эден, несомненно, представляется символом всего немецкого милитаризма, нашедшего в фашизме лишь свое логическое завершение. Поэтому день 8 мая 1945 года стал для нас праздником победы над самыми мрачными годами в истории не только Германии, но и всей Европы.

Каждый человек, прошедший годы войны, мог бы дополнить новыми ужасающими подробностями бесконечный список совершенных гитлеровцами злодеяний. Неудивительно, что день 8 мая мы празднуем, как счастливцы, которым удалось из трясины и зыбучих песков выбраться на сушу, подняться по круче в безопасное место, отдышаться и прийти в себя.

8 мая 1945 года ознаменовало собой конец второй мировой войны — тогда все вздохнули с облегчением. Но сейчас перед нами встает надежда, граничащая почти с уверенностью, что вместе с последней войной исчез и весь комплекс войны как дозволенного политического средства. За этот гигантский рывок вперед мы благодарны советским людям, последователям Ленина, который еще в 1917 году пытался на месте кровавого болота первой мировой войны воздвигнуть прочное здание подлинного мира.

Мы, интеллигенты и писатели, еще в последние годы войны действовали заодно с коммунистами по восстановлению свободы и культуры Германии, в неразрывном союзе с рабочими, деятелями науки и политики: мы смогли подготовить фундамент государства, поднятого из развалин и поставленного на ноги победоносной силой. Ныне оно называется Германской Демократической Республикой. Вот уже пятнадцать лет, как это повзрослевшее дитя неустанно движется вперед по пути, который приведет весь немецкий народ от злодеяний оберлендеров к созидательной государственности. И слово немец снова получает то звучание, о котором лишает в своем гимне наш друг Бертольд Брехт:

Чтоб народы не считали
Наш народ своим врагом,
Чтобы руку дружбы дали
Нам соседи все кругом.

Последнее десятилетие научило нас не предаваться самообману. Даже на солнце есть пятна, очень большие пятна, и это придает нам мужество сознаться в изъянах, которыми неизбежно страдает все наше послевоенное поколение. Стремление к справедливости, правде, плодотворному труду и дружбе еще должны получить такое же универсальное распространение, как в те годы, когда Эмиль Золя набросал и почти завершил свои четыре евангелия. Нам же слышится все время заключительный хор из «Фауста», в котором ангелы поют возродившемуся Фаусту, прошедшему через столько испытаний: «А этот вразумлен и нас наставит».

На опыте этих страшных лет мы знаем, что значит учить: показывать, все время заставлять повторять и совершенствоваться. Мир да будет первым звуком колокола нашего века, когда мы подвесим его к колокольне времени.

Май 1945 года. Советские танки на улицах Праги.

Это — в памяти,
май,
в сердце это:
пушек отголосившие глотки,
и сама товарищ Победа
с красной звездочкой
на пилотке.

Бруно Апиц рассказывает

А. БЕЛЬСКАЯ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

Для немцев старшего поколения день освобождения Германии от фашизма — особенная дата. Они были не просто свидетелями, но многие — и жертвами гитлеровского террора, испытавшими горе и страдания войны. И те, кто в страшные, темные годы имел силы и мужество бороться, кто первым взялся за восстановление своей родины, испытывают сегодня чувство гордости и радости.

Бруно Апиц, известный писатель, автор талантливой книги «Голый среди волков» (тираж в полмиллиона экземпляров разошелся за несколько месяцев), — один из тех представителей немецкой интеллигенции, чья жизнь была отдана борьбе против фашизма.

Невысокого роста, худощавый, с подвижным и нервным лицом, порывистый и быстрый в движениях. Бруно Апиц беседует с нами в знаменательный день. Трудно поверить в это, глядя на него, но ему минуло шестьдесят лет. С трибуны Дома культуры крупнейшего берлинского завода «Электроколе» участники конференции по вопросам культуры—представители правительства Германской Демократической Республики, Центрального комитета СЕПГ, общественности, читатели — поздравили замечательного писателя, мужественного борца за дело германского рабочего класса.

Комната в доме Бруно Апица в этот день напоминает сад, так много в ней цветов. Собрались друзья — самые близкие, те, кто делил с ним веление бухенвальдского лагеря смерти. После тяжких лет подполья Бруно Апиц провел одиннадцать лет за колючей проволокой, семь из них — в Бухенвальде. Апиц жил среди волков, жил и боролся, организовывал подпольную работу, вместе с другими заключенными ценою жизни укрывал в течение трех месяцев, до самого дня освобождения лагеря, маленького еврейского мальчика. Его книга — живое свидетельство, потрясающий по силе обличения рассказ о мужестве узников Бухенвальда.

Пятнадцать лет назад... Мысль возвращается к тому, что пришлось пережить до этого дня. От этих воспоминаний не уйти потому — об этом писатель говорит с волнением и гневом, что на западе его родина вновь возрождаются те же темные силы, насаждаются те же волчьи инстинкты.

Бруно Апиц рассказывает о пережитом, а перед моими глазами встает увиденный несколько дней назад лагерь Бухенвальд.

Под тонкой сеткой дождя увидели мы в этот день (туда приезжают отдать дань уважения мученикам фашизма рабочие и служащие, крестьяне, многие иностранцы, посещающие Германскую Демократическую Республику) скрытый за густым лесом от людских взоров лагерь смерти. Высокие башни наблюдателей... Колючая проволока, которая всегда была под током высокого напряжения... Темные кроличьи одиночные камеры для политических заключенных... Очерченный мелом круг в камере, где весь день, не сходя с места, под пристальным взглядом фашистских палачей должен был стоять узник... Печи крематория, чья пасть ежедневно проглатывала сотни трупов... Бараки для военнопленных, тесные, без воздуха... Горы башмаков — мужских, женских, детских... Женские волосы... Изделия из человеческой кожи... Отделение под названием «Патология» — здесь над узниками производились опыты, им прививали чуму, холеру, тиф... Сюда реже заглядывали фашистские охранники, боясь заразиться... И тут, рядом с «Патологией», действовала подпольная группа бухенвальдцев. В ознаменование гибели Эрнста Тельмана в ночной тиши его друзья и соратники собрались тут на траурный митинг. Вполголоса произносили они слова любви, приглушенным голосом пели «Интернационал», исполнили траурный марш Шопена на самодельных инструментах.

Бруно Апиц был среди них. Голос его прерывается, когда он вспоминает об этом.

— Как удалось выжить? Что помогло уцелеть в этом страшном аду?

Пусть вам не покажется странным, — с глубоким убеждением говорит писатель, — ни мои товарищи, ни я никогда не видели смерти, хотя жили среди смерти. Я хочу сказать, что мы не боялись ее. Наше сознание, наша вера в победу делали нас неуязвимыми для нее. Наши идеи были источником силы, помогали нам жить, и это не пустые слова. Те, кто был иным, погибали скорее... Я не говорю о людях, насильственно уничтоженных, удушенных и замученных, а о той небольшой группе заключенных, которых сломил страх, отчаяние, неверие, кто был готов на все ради сохранения жизни. Группа подпольщиков все же сумела найти силы и организовать восстание. Бухенвальд—единственный из немецких концентрационных лагерей, который был освобожден заключенными еще до того, как на его территорию вступили войска союзников. 11 апреля 1945 года американские войска, вступившие в Бухенвальд, увидели едва живых, но свободных людей.

Конечно, мы встретили американские войска, как своих друзей, но... увы, очень скоро нам пришлось усомниться в этом, в особенности тем коммунистам, кого пытались задержать в лагере, кто тайком должен был пробираться к себе домой.

Бруно Апиц задумался и с горечью добавил:

— Все дальнейшее заставило нас пережить не одно разочарование. Я говорю об отношении к немецкому народу западных держав.

Лицо писателя светлеет, глаза становятся еще более молодыми, когда он говорит о своих советских друзьях.

— В июле 1945 года в моем родном городе Лейпциге мне довелось ощутить, узнать всю силу гуманизма советских людей. Многие из немцев в те дни боялись «злых русских». Они не знали еще, как далеки в действительности от желания свести счеты с нашим народом те, кто с оружием в руках прошел трудный путь до Берлина.

Разрушения, причиненные моей стране войной, которую развязал германский фашизм, могли быть восстановлены сравнительно быстро потому, что нам помог советский народ. С глубочайшей благодарностью я думаю об этом. Ведь на нашей земле были развалины, руины. Американская и английская авиация в последние месяцы войны причинила немецким городам страшные разрушения. Но после освобождения мы были не одни: советские солдаты вместе с нами складывали кирпичи домов. С нами — это значит с активистами первого часа. Вместе с нами они положили первые картофелины в истерзанную войной землю, возвели фундаменты новых зданий. С нами, с теми, кто ни одной минуты во мраке фашистского заточения не сомневался в будущем немецкого народа. И на наших глазах стали подыматься первые всходы. Советские друзья радовались вместе с нами, когда мы могли сказать: «Сегодня мы получили куском хлеба больше, чем вчера».

— Злые русские? — с улыбкой продолжает Бруно Апиц. — Они послали нам первую тысячу тракторов. Мне вспоминается забавный разговор. Я встретил в Лейпциге на Вокзальной площади в 1946 году своего старого знакомого. Он сомневался во всем. «Тракторы? Да ведь это только пропаганда, — сказал он, — большевистская пропаганда». «Хорошо, пусть так, но эти тракторы вспахали землю и дали нам хлеб, который ты охотно ешь. Не правда ли, твой желудок умнее, чем твоя голова?»

— Трудные годы позади, — говорит Бруно Апиц, — и когда я думаю о моей родине сегодня, то могу сказать, что в ней хорошо жить и творить. И, как все немцы, кому дорого наше будущее, я с болью и горечью думаю о том, что происходит на Западе, по ту сторону искусственно созданной границы между двумя Германиями. 8 мая 1945 года принесло многим немцам жизнь и свободу, но, прежде чем покинуть бухенвальдский лагерь, мы поклялись никогда не успокаиваться, не допустить возрождения фашизма, помешать военным преступникам продолжать свое темное дело. Совесть немецкого народа восстает против того, что делают злой боннский старец и его окружение. Я говорю не только о народе Германской Демократической Республики, не только о тех, кто строит социализм. Наши тревоги разделяют прогрессивные интеллигенты, передовые рабочие Западной Германии. Они не хотят видеть атомных пушек, марширующий бундесвер на своей земле. Искусственная граница не смогла разделить наш народ — она лишь отделяет клику милитаристов от подлинно демократической Германии, от Германии гуманистических традиций, от Германии Гёте, Шиллера и Гейне. Разве не показательно, что в нашей конференции по вопросам культуры, которая происходила в эти дни в Берлине, участвовали и друзья из Западной Германии?

Бруно Апиц говорит об огромном интересе немецкой общественности к предстоящему совещанию в верхах. Он настроен оптимистически, разве можно противостоять воле всех честных людей, их стремлению к миру?

В заключение Бруно Апиц просит передать читателям «Литературной газеты», всем советским людям, принесшим немецкому народу избавление от фашизма, горячий привет от немецких писателей.

БЕРЛИН, май

Илья ФРАДКИН — Они стояли под Москвой...

«Мы уже стояли под Москвой» — так называется роман, появившийся недавно на книжных прилавках в ФРГ и Австрии. Автор его Карл Штим бывший обер-ефрейтор гитлеровской армии, прошедший с ней путь до Подмосковья и затем, раненный из своего стрелкового отделения вернувшийся обратно. В его памяти навсегда неизгладимы кроваво-снежные видения боев под Истрой, Ново-Иерусалимом, Волоколамском, Гжатском, и теперь, спустя почти два десятилетия, он написал об этом книгу, не столько роман, сколько «отчет о пережитом».

Название книги не может не привлечь к себе внимания читателя: оно заинтересовывает, настораживает, оно порождает вихрь мыслей и воспоминаний в сознании как немцев, так и советских людей. Да, однажды вы уже стояли под Москвой... Ну и что из этого? Может быть, вы хотите сказать: цель была так близка, еще бы чуть-чуть, и Москва была бы взята, война — выиграна? И как вывод отсюда: то, что не получилось с первого раза, удастся со второй попытки.

Действительно, такие бахвальские книги ничего не запомнивших и ничему не научившихся тупиц в немалом количестве появляются на Западе — мемуары гитлеровских недобитков, демагогические писания реакционных политиков и романы, в которых фальсифицируется недавнее прошлое.

Но Карл Штим написал свою книгу не для того, чтобы разжигать воинственный азарт и отравлять реваншистскими иллюзиями легковерных молодых людей, не во благовиние ужасов войны на собственной шкуре. Напротив, его книга — свидетельское показание во имя восстановления истины и одновременно торжественная присяга: мы уже стояли под Москвой — это привело нас к катастрофе. И в страшные дни разгрома зимой 1941 года мы находились во власти лишь одного страстного желания: «Нам ничего не нужно, только бы поскорее уйти восвояси из этой страны и никогда больше в нее не вторгаться! Никогда больше!»

Книга Штима — в общем книга доброй воли и честных намерений. Поэтому не будем придираться к бывшему обер-ефрейтору за то, что память его сохранила каждую вареную картофелину, которую он протягивал голодающим русским детям, будем снисходительны к этим маленьким хитростям и наивным наивностям, тем более, что в целом Штим отнюдь не склонен к живописанию розовых идиллий и нисколько не пытается изобразить гитлеровскую армию, себя и товарищей благодетелями советского народа. Напротив, его еще по сей день давит, как нравственный кошмар, мысль о страшных злодеяниях немецких солдат в России. Пусть нелегко, не без внутренней борьбы даются ему эти признания, но все же он честно и без утайки рассказывает об актах бесчеловечности, которые стали уже для офицеров тов естественной нормой поведения, о грабежах, насилиях и убийствах, о сожжении домов и сел, жестокости по отношению к женщинам и детям, предаваемым мукам голода и бездомности...

Молодь в вине и ответственности неизбежно рассудит героев книги. Иногда он покорно склоняется перед ее неотразимой убедительностью, принимает ее как тяжкую, но заслуженную кару, но нередко он отчаянно ей сопротивляется и пытается оправдать свое бесчинство, ссылаясь на то, что в нем, как и в каждом образе мыслей, но они сами по себе бесплодны, никуда не ведут. Чтобы не пришлось ни убивать, ни самим умирать на полях сражений третьей мировой войны, нужно действовать, а чтобы действовать, нужно освободиться от фаталистического неверия в способность человека возвыситься над роком.

Унылая философия бессилия человека перед злом, всегда опасная, особенно опасна в наши дни, когда все время множатся грозные признаки возрождения германского милитаризма, когда из правительственных канцелярий и со страниц ряда газет ФРГ так явственно тянет угаром реваншизма.

Не освобождайте ни себя, ни своих соотечественников от ответственности. Не опускайте руки, Карл Штим! Ту, может быть, моя жена и права. Возможно, что их внуки, которых постоянно раскавливают в газетах как самых очаровательных детишек, — существенный фактор в их жизни, в их политике. Так ли это?

У нас в Англии только что появился на свет юный принц. Какой это восхитительный малыш! Все прямо не нарадуются на него! Какое блестящее будущее ожидает его, а также всякого другого — принц он или нищий. Будем надеяться, что это так. Но тут нам приходит в голову мысль, что одно качество отличает маленького принца от всех принцев, которых знала история. В его костях больше стронция-90.

Имеет ли это значение для наших государственных деятелей? Думают ли они о славном малыше принце Эндрью? Или же они думают о герре Штраусе и герре Аденауэре и, полагая, что эти две замечательные личности олицетворяют собой будущее, решают, что нам следует идти по их стопам?

Конечно, не имеет смысла сваливать всю вину на немцев. Западногерманские реваншисты и дня бы не продержались, если бы силы реакции в других странах не поддерживали их, не помогли бы им набраться храбрости, а затем не поставили бы их на ноги, дав возможность стать чудовищем Франкенштейна, каким они являются в наши дни.

Один из моих советских друзей, живущих у нас в Англии, с которым мы иногда выходим посидеть на лужайке под изменчивым английским небом, порой с отчаянием говорит: «Неужели английские политики настолько глупы? Неужели они не видят, что помогают собраться с силами своему самому большому врагу, даже если смотреть с капиталистической точки зрения. Как они не видят, что благодаря поддержке английского, американского и даже французского капитализма Западная Германия становится самой могущественной страной в Западной Европе. Неужели они настолько глупы?»

Он прав, конечно. Англичанам тоже следует спросить себя: «Неужели они настолько глупы?» К несчастью, на этот вопрос частенько придется давать такой ответ: «Да, порой они бывают так глупы».

Как назвать политиков, затеявших войну из-за Суэца? Эта война была явно непродуманным шагом. Она отнюдь не была неизбежной, и не было сомнений, что она обречена на неудачу. Более умные политики были против войны. Но глупцы возобладали над ними. По-видимому, дело обстояло именно так. От этой мысли мороз по коже дерет.

Если бы английский народ с достаточной ясностью и определенностью заранее дал понять, что он не поддержит суэцкой войны, политические глупцы, возможно, и не развязали бы ее. К несчастью, наш народ смог выразить свое отношение к этой войне лишь после того, как она уже началась. Впрочем, как только народ сказал свой голос, война быстро окончилась.

Это чрезвычайно важное обстоятельство. Глупые политики начали войну, а протест народа положил войне конец.

Пожалуй, об этом следует вспомнить теперь, накануне совещания в верхах. Мы надеемся, что если будет громко заявлено о том, как относится народ к водородной бомбе, и о том, каким он хочет видеть свое будущее, то это возымеет некоторое действие на наших политиков до того, как состоится совещание, а не после.

Будем надеяться.

Вот что вселяет надежду на будущее. Несмотря на все происки реакции, ни на минуту не прекращается народная борьба, имеющая давнюю, овеянную славой историю. Эта борьба будет продолжаться. Именно она должна произвести наибольшее впечатление на государственных деятелей.

Такова наша надежда. Вот почему мы с живым интересом ожидаем совещания в верхах. Оно покажет, к какому из соперничающих голосов — голосу народов или голосу реакции — прислушаются высокие представители.

Одно несомненно: если вся земля найдет свое отражение на совещании глав правительств и восторжествует, то это приведет к установлению прочного мира, к соглашению о разоружении, к запрещению водородной бомбы и к реалистическому подходу к проблеме сосуществования.

Особое значение голоса Советского Союза заключается в том, что он выражает волю не только советского народа, но и волю народов всего мира. В этом состоит великая миссия, которую взяла на себя советские государственные деятели. Вероятно, для того, чтобы быть собственно английским — в английском понимании этого слова, — я должен был бы отпустить два-три критических замечания по поводу советской позиции, чтобы доказать свою непредубежденность. Однако для меня Советский Союз символизирует голос народа, а не голос, который на нашей земле стал бы очень мрачным местом.

Нелегко будет этому голосу настоять на своем. Однако, слава богу, по крайней мере один человек на совещании в верхах не должен будет одновременно прислушиваться к голосам двух различных сил, подвергаться двум различным влияниям.

ЛОНДОН, 6 мая. (По телеграфу)

ЧЕРЕЗ ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ...

Джеймс ОЛДРИДЖ, английский писатель

Пятнадцать лет прошло со времени окончания войны в Европе, которая вроде бы завершилась победой над немецким милитаризмом и нацизмом. И вот, разворачивая утренний выпуск лондонской «Таймс», я читаю, что между Францией и Западной Германией только что разработано соглашение, согласно которому возрожденной германской армии разрешено иметь свои базы на французской земле, разжавшь на той же французской земле учебные плацы и аэродромы и использовать Сахару в качестве полигона для испытания немецких ракет.

Это должно восприниматься как ужасающая новость. Но так ли это воспринимается?

За последнее время мы настолько привыкли к подобного рода ужасам, что теперь почти не обращаем на них внимания. Не так давно известие о намерении Западной Германии создать военные базы в Испании слегка всколыхнуло общественное мнение. Но несколько медоточивых успокоительных заверений — и вооружение улеглось. Однако, вопреки всем клятвам относительно того, что боннские базы в Испании — сплошная выдумка, уже через какой-нибудь месяц немцы стали их обладателями. Более того, совершенно беспрепятлив образом подготовлена почва для создания западногерманских военных баз в Греции, Дании, Голландии, даже в Великобритании (здесь, конечно, более осторожными методами), а теперь и во Франции.

Если смотреть на дела, которые творятся в мире, только под этим углом зрения, можно прийти в отчаяние. Кто каким неизбежным тогда видится возрождение реакции! Каким бессильным тогда кажется народ в его стремлении предотвратить повторение прошлого! Кого не посещали порой подобные гнетущие мысли?

Но если мы, вместо того чтобы приходить в отчаяние, сумеем извлечь из совершающегося урок, мы окажемся в состоянии понять, что же происходит в действительности. Мы сможем уяснить себе, что будущее — пока далеко не безоблачное — и впредь будет ареной долгой и упорной борьбы, борьбы, которая по-настоящему закончится только тогда, когда для всех нас станут доступными новые общественные отношения. Они будут одерживать победы, а это — главное.

Пожалуй, мы подчас забываем, что и в грядущие годы любая победа долго еще будет казаться непрочной по той простой причине, что реакция не уничтожит сразу тот дух войны, потому, что нам так хочется, или потому, что мы устали сопротивляться ей. Если мы опустим руки, наши враги активизируются.

Под новым флагом, под новой личной наступает германский милитаризм. Наступать будут те же деятели, что правили Англией в дни мюнхенского «умиротворения», — они и сегодня, почти не изменившись, господствуют в Англии (кое-какие поверхностные различия не идут в счет). Не унимаются и приверженцы политики «умиротворения» во Франции. Разве сейчас не зависит судьба Франции больше чем когда бы то ни было раньше, от Западной Германии? А кто создатели этого западногерманского чудища? Не являются ли ими политические деятели США, которые напоминают своим поведением испуганного великана, порывающегося нанести первый удар?

Для каждого человека, изучающего современную обстановку в мире, все это ясно.

А какую роль играют главы государств? Что можно сказать о де Голле, Макмиллане, Эйзенхауэре? Не принадлежат ли и они к лагерю реакции? Кто они — одно целое с поднявшей голову реакцией или такие же ее жертвы, как и простые люди?

Пожалуй, сегодня мне не удастся полностью осветить этот вопрос. Об этом позаботится история. Давайте пока оставим при себе сомнения и поверим на слово, что Макмиллан искренне печется о нашем островке, что президенту де Голлю надоело смотреть, как Францию разрывают на части, а господин Эйзенхауэр — человек, настоящийся установить мир во всем мире.

Если они действительно являются такими деятелями — такими полезными деятелями с такими трезвыми взглядами, — то можно с уверенностью утверждать: они стали им в силу того, что народы заставили их усвоить подобный образ мыслей.

Несомненно, что эти деятели испытывают давление и со стороны совершенно иных сил, которые навязывают им свой образ мыслей. Но сегодня наиболее широковещательные заявления этих деятелей по мировым вопросам (все подготовки к переговорам о мире, за ту или иную форму разоружения, за того или иного рода сосуществование) исходят не справа, где сидят западногерманские милитаристы, а слева, где соотечественники этих деятелей стали внимательно приглядываться к их действиям.

Иногда моей жене кажется вредным в здравый смысл и гуманность этих деятелей, она говорит: «Но ведь у них есть внуки! Неужели они не боятся за их будущее?» Мой обычный и, пожалуй, слишком простой ответ на эту реплику носит непечатный характер, хотя я с болью и горечью думаю о том, что происходит на Западе, по ту сторону искусственно созданной границы между двумя Германиями. 8 мая 1945 года принесло многим немцам жизнь и свободу, но, прежде чем покинуть бухенвальдский лагерь, мы поклялись никогда не успокаиваться, не допустить возрождения фашизма, помешать военным преступникам продолжать свое темное дело. Совесть немецкого народа восстает против того, что делают злой боннский старец и его окружение. Я говорю не только о народе Германской Демократической Республики, не только о тех, кто строит социализм. Наши тревоги разделяют прогрессивные интеллигенты, передовые рабочие Западной Германии. Они не хотят видеть атомных пушек, марширующий бундесвер на своей земле. Искусственная граница не смогла разделить наш народ — она лишь отделяет клику милитаристов от подлинно демократической Германии, от Германии гуманистических традиций, от Германии Гёте, Шиллера и Гейне. Разве не показательно, что в нашей конференции по вопросам культуры, которая происходила в эти дни в Берлине, участвовали и друзья из Западной Германии?

Бруно Апиц говорит об огромном интересе немецкой общественности к предстоящему совещанию в верхах. Он настроен оптимистически, разве можно противостоять воле всех честных людей, их стремлению к миру?

В заключение Бруно Апиц просит передать читателям «Литературной газеты», всем советским людям, принесшим немецкому народу избавление от фашизма, горячий привет от немецких писателей.

БЕРЛИН, май

Институт мировой литературы имени А. М. Горького
Академии наук СССР
ОБЪЯВЛЯЕТ ПРИЕМ В АСПИРАНТУРУ
по специальностям: советская литература, русская литература XIX в., теория литературы, фольклор, литература народов СССР и зарубежных стран.
Принимаются лица, имеющие стаж работы по избранной специальности.
Конкурсные экзамены с 1 по 20 сентября.
Документы, вступительный реферат и опубликованные работы направлять в Институт: Москва Г-69, Воровского 25-а.

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ
НЕ ЗАБУДЬТЕ СВОЕВРЕМЕННО ПРОДЛИТЬ ПОДПИСКУ
на второе полугодие 1960 года
на
«ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ»
Подписка принимается без ограничения в отделениях связи, общественными распространителями на фабриках и заводах, в колхозах и совхозах, в учебных заведениях и учреждениях.

Karl Stim. «Wir standen schon vor Moskau». Forum Verlag, Wien—Frankfurt.
Карл Штим. «Мы уже стояли под Москвой». Форум Ферлаг, Вена—Франкфурт.

Главный редактор С. С. СМИРНОВ.
Редакционная коллегия: В. Н. БОЛХОВИТИНОВ, Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИА, Г. М. КОРАБЕЛЬНИКОВ, В. А. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), М. М. КУЗНЕЦОВ (зам. главного редактора), Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, Г. Г. РАДОВ, В. А. СОЛОУХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу. Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва Литературная). Телефоны: секретариат—К 4-04-62, отделы: русской литературы—Б 8-93-33, искусств — Б 1-11-69, литератур народов СССР — Б 8-59-17, внутренней жизни — К 4-06-05, международной жизни — К 4-03-45, зарубежной литературы и искусства—К 4-84-28, информации—К 4-08-69, писем—Б 1-15-23, издательство—К 4-11-68, коммутатор—К 3-00-00.

Типография «Литературной газеты» Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

Б—024108